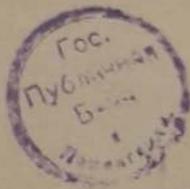

58-2
471

сс. хр. №2

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК

БЛЕСК И НИЩЕТА КУРТИЗАНОК

Обязательный
контрольный
экземпляр

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БЕЛОРУССИИ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
МИНСК - 1938

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стар.</i>
Блеск и нищета куртизанок	
Часть первая.—Как любят девушки	5
Часть вторая.—Во сколько обходится старикам любовь . .	180
Часть третья.—Куда ведут дурные пути	336
Часть четвертая.—Последнее воплощение Вотрева	462
Примечания.—В. Владимирова	629
Историко-литературный комментарий—Б. Грифова	641

Изд. за выпуск *М. Дашкевич*
Редактор *И. Милешко*

Корректор *Синкович*

Сдано в печать 19/ХІ—37 г. Подписано к печати 29/І—38 г.
Объем 29¹/₂ печ. л. Бумага 82×110¹/₃₂. Знаков в печ. л. 62 080.
Тираж 15 000 экз. Зак. № 1780. Уп. Главлитбелз № 3386.

Типография им. Сталина, Минск. Дом Печати.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Эпопея «Блеск и нищета куртизанок» до сих пор не была переведена на русский язык. Больше того, читатель не знает бы ее и во французских прижизненных изданиях Бальзака. Впервые целиком она была напечатана уже после его смерти, в 1855 году (XVIII дополнительный том «Исторической комедии»). Но в качестве самостоятельных произведений она отчасти печаталась при жизни автора, начиная с 1838 года и кончая 1847.

Долгая и достаточно запутанная история ее написания начинается очень характерным эпизодом. Во время своей короткой поездки в Италию, весной 1837 года, Бальзак встретился с каким-то генуэзским negociантом, открывшим ему перспективы легкого обогащения. Он обратил внимание Бальзака на то, что еще римляне добывали серебро в Сардинии, где восточных и средневековых металлургов остались целые горы шлама, из которого, очевидно, извлечь далеко не весь драгоценный металл; при современных способах эксплуатации его можно извлечь гораздо больше. Встреча с генуэзцем произвела на Бальзака огромное впечатление. Сардинское серебро становится у него навязчивой идеей. Уже потерпев неудачу, он вспоминает в письме от 22 апреля 1838 года: «Один из моих друзей, великий химик, владеет секретом извлечения золота и серебра; какова бы ни была пропорция, каким способом они ни обрабатывались бы с другими веществами, он добивается этого без больших издержек. Я мог бы добыть из шлама все серебро».

Другие друзья Бальзака также горячо советуют ему заняться сереброискательством, тем более ему необходимыми, что его денежные дела шли из рук вон плохо; по старым долгам оставшимся от столь же неудачного, но гораздо более разительного предприятия (типографское дело в начале 20-х годов), он расплачивался так медленно, что долги только возростали из года в год, благодаря ростовщическим процентам, и

нечно, книги Бальзака раскупались, но главным образом в тех контрафакционных бельгийских изданиях, от которых богатели только издатели, имевшие право не платить автору ни копейки. Чувство полной незащищенности и безвыходной бедности приводит Бальзака, в то время уже знаменитого, к проекту фантастического обогащения. «Я так устал,—пишет он Эвелине Ганской в марте 1838 года,—от борьбы, уже знакомой Вам по моим письмам, что готов ее кончить или признать себя побежденным. Вот уже десять лет я работаю совершенно бесплодно; клевета, оскорбления, судебные процессы—наиболее вероятный исход... Узнав, что моя затея является жестом отчаяния, вызванного необходимостью кончить этот вечный поединок между мной и судьбой, Вы перестанете удивляться; рискую я только месяцем и пятью сотнями франков, а разбогатеть могу чрезвычайно».

Письмам Бальзака не всегда приходится доверять. Уже достигнув некоторой обеспеченности, он все же будет иногда жаловаться на бедность. Но подробности его сардинской экспедиции нам известны, и на этот раз слова его о нищете—неприкрытая правда. Едва ли еще кто-нибудь из писателей путешествовал столь нищенски, как Бальзак. Он выезжает из Парижа 15 марта 1838 года. Пять ночей и четыре дня он ехал до Марселя на империале дорожной кареты, питаясь только молоком и тратя по десять су в день (около двадцати копеек). Дрянная комната в марсельской гостинице за пятнадцать су и обед за тридцать. Остановка на Корсике, в Аяччо, «местечке невыносимом», «где цивилизации не больше, чем в Гренландии»... 2 апреля на весельной лодке он отплывает в Сардинию. Переезд занял пять дней. «Я узнал, какие лишения терпят моряки, мы питались только рыбой, которую сами ловили, сами и варили, получался отвратительный суп; спать приходилось на палубе, предоставляя себя на пожирание насекомым» (письмо 8 апреля). В поисках серебра Бальзак рыщет по Сардинии почти две недели, встречая на пути невероятную бедность деревушек: курные избы и хлеб из жолудей. В конце концов он узнал лишь одно: тот самый генуэзец, который внушил ему этот дикий план, уже, оказывается, его опередил и выхлопотал себе концессию на использование сардинских шлаков.

Обратный путь был не веселее. Единственная передышка в Милане. «По милости его светлости князя ди-Порча живу в прелестной комнате, окнами в сад» (20 мая). Но и эти дни не лишены своих терний, может быть, даже более чувствительных, чем укусы клопов в гостинице. «Столь несчастным я еще никогда не был» (23 мая). Это—тот самый князь Альфонсо Се-рафино ди-Порча, которому Бальзак пишет в посвящении: «Позвольте мне поставить ваше имя в начале произведения,

чисто парижского, но обдуманного у вас в доме за последние дни. Не естественно ли преподнести вам цветы риторики, выросшие в вашем саду» и т. д. В письмах Бальзака цветы риторики заменены признаниями более откровенными. «До чего я беден, а работаю, как каторжник... Меня ждет Париж—оскорбитель, издательства, типографии, одуряющая работа по двенадцати часов в день, ведь у меня долги, задолженность—неизменная моя любовница, влюбленная в меня чрезмерно. Вы не поверите, какие мрачные размышления вызывает у меня счастливая жизнь этого Порча, которого только десяток домов отделяет от его возлюбленной графини. Мне тридцать девять лет, у меня больше двухсот тысяч франков долгу, Бельгия владеет миллионом, который заработан мною» (письмо Ганской, 20 мая 1838 года).

Таковы психологические предпосылки эпопеи о куртизанках и жуликах, за работу над которой Бальзак принимается сейчас же по возвращении в Париж. Вернулся он 10 июня, а уже в октябре издательством Верде выпущена книга его повестей, где помимо «Банкирского дома Нюсинжен» и «Чиновников» помещена повесть «La Togrille» (рыба-скат), представляющая собою начало эпопеи. В сущности этот небольшой отрывок из нее: сцена на балу, аббат Эррера приезжает к Эсфири, ее воспитание и обращение в христианство, тоска Люсьена, письмо Эсфири, аббат разрешает ей увидаться с Люсьеном. Кончался отрывок очень эффектным разговором Эсфири и Люсьена:

«— Вот он, этот ужасный священник!—сказала она.

— Он такой же священник, как ты...

— Но кто же тогда он?—спросила она с испугом.

— Старый пройдоха, который верит только в чорта».

Напрасно было бы упрекать автора за то, что он будто бы ищет кричащих концов. Даже из предисловия к этому тому мы узнаем, что повесть оборвана по требованию издателя, который сэкономил бумагу и находил, кроме того, что, если добавить еще пять листов, то книга будет не по карману «кабинетам для чтения», тогдашним главным потребителям книги. Но в этом предисловии, помеченном 15 сентября (так торопливо работал Бальзак) есть мысли и более существенные: «Автор ждет, что его будут упрекать между прочим и за безнравственность; но он уже изъяснял без обиняков свое прочное намерение описывать общество в целом, каково оно на самом деле: в его частях добродетельных, почтенных, великих, постыдных, в неразберихе общественных категорий, в путанице принципов, новых потребностей и старых противоречий. У автора не хватает смелости признаться еще в том, что он является

скорее историком, чем романистом, так как критика его упрекнула бы, будто бы он восхваляет самого себя. Он добавит только, что в нынешнее время, когда все подвергается анализу и исследованию, когда уже не верят ни священнику, ни поэту, когда отрекаются сегодня от того, что воспевали вчера, поэзия невозможна. Он полагает, что ничего нет изумительнее простого описания великой социальной болезни, а ее можно изобразить только изображая общество, так как больной и является болезнью».

Напечатав этот первый отрывок, Бальзак лет на пять отходит от «Куртизанок». Обычная его манера сразу работать над несколькими произведениями, одно начинать, другое в это же время заканчивать, третье продолжать. Чем вызывался такой странный, на первый взгляд, метод работы? Погоней за заработком, незащищенностью писателя или собственной неуравновешенностью? Конечно, нет. Ведь нужно сказать прямо: подобная манера только затрудняла читателя, только уменьшала заработок автора. Писатели, действительно настроенные практически, отлично знают, как надо зарабатывать. Каждый год аккуратно издавать роман, умеренного объема, законченный, интересный, не слишком дорогой, для любителей—издавать его ограниченным тиражом на хорошей бумаге. Особенно во Франции легко найти таких умелых романистов.

Но Бальзак недаром открещивался от звания романиста, недаром дробил и множил повествование и по многу раз возвращался к одним и тем же персонажам. К началу сороковых годов особенно начинает чувствоваться, что он не хочет издавать отдельные литературные изделия, а работает в течение всей жизни над одним, композиционно хаотическим, но тематически напряженным и социально чрезвычайно выразительным эпическим произведением—«Человеческой комедией».

Эпопея о куртизанках сама по себе велика, по размерам одно из самых крупных его произведений, но она является лишь третьей частью трилогии, которая многими темами связывается с рядом других произведений, то издававшихся в виде рассказов, то имевших вид как будто законченного романа. Годы 1838—1843 отличались большой интенсивностью, множество замыслов настойчиво требовало осуществления. «Банкирский дом Нюсинжен» (1838)—как бы прелюдия к «Куртизанкам». «Чиновники» (закончено в 1838 году) скорее очерки, чем «чистая» беллетристика (вариации на тему о судейских, брасывается на роман, заглавие которого «La Rabouilleuse» развитую в «Куртизанках»). В 1841—1842 годах Бальзак перелопачивает пословицы «в мутной воде рыбку ловят». Этот роман, также никогда еще не переводившийся, вместе с «Куртизанками» образует своего рода диптих:

вот разложение парижской аристократии и безраздельное всемогущество парижского банкира-хищника, настолько невыносимое, что лучше уж назвать подлинным героем профессионального вора Вотрена; а вот вам и другая сторона Франции—провинция. Что же? Сохранила она патриархальные идиллии?

В эпопее «Куртизанки» не раз Бальзак упоминает о доме Кадиньян, но эпизод «Тайны княгини Кадиньян» он в эпопею не включил, а издал отдельным рассказом в 1839 году. Еще сложнее переключка разных мотивов или вариации одного и того же мотива в «Куртизанках» и в «Утраченных иллюзиях». При всей взаимной сплетенности бальзаковских произведений, все же можно выделить довольно отчетливую трилогию: «Отец Горио»—первое появление Вотрена и молодость Растиньяка; «Утраченные иллюзии»—молодость Люсьена, встреча с Растиньяком, его земляком, роковая встреча с Вотреном; «Куртизанки»—Люсьен в лапах Вотрена погибает, Растиньяк—на пути к блестящей карьере, впрочем, далеко не доведенной здесь до конца, Вотрен отказывается от борьбы с государством. Провинция и Париж, путь поэта и путь дельца, легализованный вор, барон Нюсинжен и его героический противник Вотрен, с которым связана судьба обоих молодых людей. Итак, Вотрен все более становится для Бальзака центральной фигурой. Но прежде чем подробно повествовать о нем в «Куртизанках», Бальзак попытается показать его сценически. К марту 1840 года он заканчивает драму «Вотрен», которая сейчас же была поставлена театром «Порт-Сен-Мартен», не раз упоминаемым в «Куртизанках», и сейчас же запрещена, потому что Фредерик Лемэтр, также здесь упоминаемый, загримировался, играя Вотрена, Луи-Филиппом.

Если сопоставить сценическую и беллетристическую трактовку Вотрена, сразу становится видно, как тесен был для Бальзака современный ему театр: пьеса чисто внешней интриги, эффектно пустой сюжет, чередование условных диалогов и апарте, словом—несколько театральных героев—на первом плане сцены, на фоне «павильона», не допускающего никакой игры вглубь.

Мы извлекаем из бальзаковской трилогии сюжетную схему, но схема могла бы быть совсем иной, и от этого ничего не изменилось бы в трилогии,—столько в ней планов, столько самоценных эпизодов, столько, наконец, слов. А угождая тогдашнему театру, даже и не предвидшему того, что вместо одних только героев когда-то будет вовлечен в сценическое действие огромный и равноправный коллектив, Бальзак давал только схему и только условный «театральный» язык.

Второй отрывок «Куртизанок» печатался в газете «La Parisien» от 21 мая до 1 июля 1843 года. Стоит отметить, что в это время «Утеранные иллюзии» еще не были закончены. В окончательном варианте связь между ними очень тесная: таинственный аббат Эррера встречается в 1823 году на Ангулемской дороге Люсьена, помышляющего о самоубийстве, и спасает его, открывая целительность новой заповеди «Старайтесь разбогатеть!» Так кончаются теперь «Иллюзии», Люсьен в сопровождении Эррера впервые вновь появляется на парижском балу в 1824 году—так начинаются «Куртизанки». Но эпилог «Иллюзий» был напечатан только в августе 1843 года, а начат роман в 1832 году. Весьма возможно, что эпилог, не очень вяжущийся с лирическим тоном «Иллюзий», возник только в процессе работы над «Куртизанками».

Печатавая продолжение «Куртизанок», газета добавила уже печатавшиеся ранее начальные главы, и оборвала отрывок на полуслове, правда, очень эффектно.

«— Сударь,—четко сказал Корантен,—вы никогда не будете мужем мадемуазель Клотильды де-Гранльё.

— Тем хуже для нее,—ответил Люсьен.»

Эффект истинно газетный. Вообще для структуры «Куртизанок» совсем не безразлично, что все дальнейшие главы будут печататься в газетах прежде, чем быть собранными в книги. Отсюда бóльшая, чем когда бы то ни было, раздробленность повествования, отсюда поиски эффектов, отсюда множество очень коротеньких глав. Бальзак, как рассказывают, очень жалел о том, что скупые издатели его книг, экономя бумагу, отказались сохранять деление на главы, первоначально существовавшее во всех его произведениях. Тем же менее деление на главы восстановлено нами только в тех случаях, когда мы встречаем явную сюжетную паузу. Читатель легко убедится, что таких пауз немного. А первоиздания, сохраняя газетное расположение материала, делили эпопею не больше, не меньше, как на сто семьдесят одну главу. Не композиционными принципами вызвана эта нелепая раздробленность, а мерами фельетона в газете, в которую Бальзака загоняла нужда.

Наконец в 1844 году в издательстве Поттер появилась повесть «Эсфирь», соответствующая теперешним первым двум частям эпопеи. Но после этого Бальзак вновь отходит от романа почти на два года. К этому времени дикая интенсивность его творчества ослабевает. Работает он заметно меньше, и на этот раз перерыв между первой и второй половинами «Куртизанок» отдает произведениям обособленным и входящим в состав «Человеческой комедии», в сущности, только фор-

мально; окончание «Беатрисы» (1844), первая часть «Крестьян» и отрывки из «Невзгод супружеской жизни» (1845). В следующем году, прервав работу над «Бедными родственниками», Бальзак пишет третью часть «Куртизанок», первоначально называвшуюся «Судебное следствие» и печатавшуюся в июльских номерах газеты «L'Époque» (1846). Под этим же заглавием она не раз переиздавалась бельгийскими издательствами и, очевидно, пользовалась успехом. Роясь в конфискованных помещичьих библиотеках, очень часто находишь эту книжку, и всегда в бельгийских, то есть воровских изданиях. Под ее теперешним заглавием «Жуда ведут дурные пути» Бальзак тогда же поместил ее (точно это самостоятельное произведение) в XII том «Человеческой комедии». Но, очевидно, он и сам чувствовал, что грандиозность «Комедии» может отпугнуть читателя, и когда издатель Суверен в 1847 году предложил ему выпустить книгу отдельным изданием, Бальзак согласился и на это изъятие ее из «Комедии» и на крайне эффектное и, вероятно, внушенное издателем заглавие «Тюремная драма» — «Drame dans la prison». Таким образом, эта третья часть эпопеи, в качестве самостоятельной повести, одновременно продавалась под тремя разными заглавиями.

Четвертая часть, наоборот, ни разу не менявшая заглавия, опять-таки появилась в газете «La Presse» (от 13 апреля до 4 мая 1847 года). Для последних лет жизни Бальзака, уже полных усталости, уже проникнутых равнодушием даже и к славе, очень характерно, что параллельно газета «Constitutionnel» (от 17 марта до 10 мая 1847 года) печатает вторую часть «Бедных родственников» — «Кузен Понс».

В «Комедию» Бальзак так и не успел включить «Последнее воплощение Вотрена», которое, бесспорно, являясь эпилогом эпопеи, долго продавалась в отдельном издании. Когда в 1896—1899 годах издательство Пантелеевых предприняло собрание сочинений Бальзака, оно поместило в XI том и перевод «Последнего воплощения» вместе с «Погибшими мечтаниями» (теперь это заглавие «Illusions perdues» переводят «Утраченные иллюзии»), ни словом даже не обмолвившись о том, что печатает только четвертую часть обширной эпопеи.

Произведение, писание которого длилось двенадцать лет и очень много раз прерывалось замыслами, порою требовавшими совсем иной манеры, не могло, конечно, приобрести законченную форму. Материал расположен неравномерно, своеобразие, в сущности, отсутствует, так как оно постоянно прерывается то статистическими и в своей техничности малообразными описаниями, то пояснениями, своего рода справками, которые сменяются чрезвычайно живыми диалогами. Но го-

ворить так,—совсем не значит осуждать мастерство Бальзака. Есть куда более однокачественные и соразмерные писатели, которых, однако, никто не признает более выразительными, чем он. Несоразмерность—его особенность, а вовсе не эстетический порок.

Придираясь, можно легко найти в «Куртизанках» противоречия, иногда курьезные. Когда Бальзак рассказывает о первом разговоре Эррера с Эсфирью, он описывает «как бы струящиеся, прекрасные, восхитительно белокурые ее волосы», но далее повсюду Эсфирь оказывается брюнеткой, а перед смертью она украшает камелиями свои уже «иссиня черные волосы». Или другое упущение: рассказывая о папаше Канкоэля, Бальзак упоминает о том, что его разыскивал племянник, пешком пришедший из вклюдской провинции. Мало того, что упоминает,—он явно собирается ввести его в действие, предвзято его появление торжественными словами: «А в это время—удивительное дело!—умирающий от голода и усталости молодой человек, племянник папаша Канкоэля, входил через Итальянскую заставу в поисках своего дяди». Мотив остался неиспользованным. Бальзак позабыл об этом Теодозе, которому в какой-то момент собирался дать немаловажную роль.

Удивляться приходится не этому, а тому, что, вводя в «Комедию» до двух тысяч действующих лиц и возвращаясь к очень многим из них по нескольку раз, Бальзак все же различал их вполне отчетливо; на протяжении многих лет слышал их манеру говорить, видел их походку, индивидуализировал черты лица. Если в начале своей писательской работы он сосредоточивался все же на отдельных, обособленных, темах, то к концу 30-х годов он все более часто возвращается к тем же людям, которые фигурировали уже в его предыдущих произведениях. Этим вопросом о повторном появлении персонажей специально занялась американская бальзаковедка Этель Престон, которая подсчитала, что в ранних рассказах и повестях Бальзака таких повторных появлений немного. Это объясняется и небольшими размерами произведений: в «Шуанах» таких лиц двадцать три, в «Тридцатилетней женщине» двенадцать, в «Шагреневой коже» одиннадцать. Но вот, начиная с 1837 года, Бальзак переходит к большим полотнам и все чаще собирает вместе тех лиц, о которых он в отдельности рассказывал прежде. В «Цезаре Бирото» уже сто четыре лица, известных нам по другим произведениям, в «Утраченных иллюзиях» их сто шестнадцать, а в «Куртизанках» сто пятьдесят пять. Выше этой цифры Бальзак не поднимался. В этом смысле «Куртизанки» наименее индивидуалистическое произведение. Не роман, а, как правильно указывал Бальзак в предисловии, описание самой болезни, то есть общества в разных его слоях.

Другая особенность «Куртизанок» в том, что, может быть, еще никогда автор не вводил такого количества различных говоров. Пусть монотонна речь Нюсинжена, но какое различие, скажем, говора Амели Камюзо, провинциальной мешанской супруги судейского следователя, и светской беспутницы графини де-Сэризи, или еще тетушки Жакелины, сводни, торговки, укрывательницы краденого.

Впервые предметом специального внимания становится воровской жаргон. Бальзак совсем не ограничивается тем, что подбирает на улице то или иное «блатное» словечко. Он систематизирует свои наблюдения над языком и, восхищаясь энергией говора отщепенцев, совершенно правильно находит его истоки у величайшего лингвиста Франсуа Раблэ.

Непостижимая на первый взгляд связь: покорно легитимистский Бальзак и неукротимый сатирик Раблэ! Но напрасно было бы упрощать и схематически обеднять Бальзака. Раблэзианская традиция в нем, как бы он ни оплакивал падение старого режима, жива двояко, прежде всего лингвистически. Не только Бальзак написал раблэзианские «Contes drolatiques» (и до сих пор не знаем, как переводить даже их заглавие, думается, что предложенный Ф. Сологубом вариант «Озорные сказки» является наилучшим), но и ощущал социальное многообразие языка с такой остротой, как редко кто из французских писателей. В «Куртизанках» он, как будто случайно, обмолвился замечанием поразительным: «у высшего света тоже есть свой жаргон, только он зовется стилем».

Чтобы оценить силу этого замечания, надо напомнить, как традиционно и тщательно блюдет французскими писателями стиль! А если добавить к этому, что истоки этого стиля — в говоре французской аристократии XVII—XVIII веков, то мы подходим к утверждению одного из крупнейших современных нам французских филологов: французский литературный язык есть не что иное, как своего рода жаргон. Отсюда для лингвиста возникают очень широкие перспективы.

Но раблэзианство живо в Бальзаке и тематически. Если приглядеться к тому, как оплакивает он Марию-Антуанетту, если подобрать теоретически его высказывания о необходимости восстановить цензовую магистратуру, об аристократической чести и т. д., «Куртизанки» окажутся реакционнейшим произведением. Однако теоретические высказывания не ослепляли его взгляда. И в тех же «Куртизанках» он увидел, что аристократия — не что иное, как «труха, одетая в бархат», отлично он увидал также, что «присяжные не любят, когда убивают какого-нибудь буржуа». Формула Энгельса о контрастности политических предрассудков Бальзака и его сатиры еще раз оправдывается эпопеей «Блеск и нищета куртизанок».

Б. 193 л.

Акт № 193 л.

Владн. л.

Другая особенность «Куртизанок» в том, что, может быть, еще никогда автор не вводил такого количества различных говоров. Пусть монотонна речь Нюсинжена, но какое различие, скажем, говора Амели Камюз, провинциальной мешанской супруги судейского следователя, и светской беспутницы графини де-Сэризи, или еще тетушки Жакелины, сводни, торговки, укрывательницы краденого.

Впервые предметом специального внимания становится воровской жаргон. Бальзак совсем не ограничивается тем, что подбирает на улице то или иное «блатное» словечко. Он систематизирует свои наблюдения над языком и, восхищаясь энергией говора отщепенцев, совершенно правильно находит его истоки у величайшего лингвиста Франсуа Раблэ.

Непостижимая на первый взгляд связь: покорно легитимистский Бальзак и неукротимый сатирик Раблэ! Но напрасно было бы упрощать и схематически обеднять Бальзака. Раблэзианская традиция в нем, как бы он ни оплакивал падение старого режима, жива двойко, прежде всего лингвистически. Не только Бальзак написал раблэзианские «Contes drolatiques» (мы до сих пор не знаем, как переводить даже их заглавие, думается, что предложенный Ф. Сологубом вариант «Озорные сказки» является наилучшим), но и ощущал социальное многообразие языка с такой остротой, как редко кто из французских писателей. В «Куртизанках» он, как будто случайно, обмолвился замечанием поразительным: «у высшего света тоже есть свой жаргон, только он зовется стилем».

Чтобы оценить силу этого замечания, надо напомнить, как традиционно и тщательно блюдется французскими писателями стиль! А если добавить к этому, что истоки этого стиля — в говоре французской аристократии XVII—XVIII веков, то мы подходим к утверждению одного из крупнейших современных нам французских филологов: французский литературный язык есть не что иное, как своего рода жаргон. Отсюда для лингвиста возникают очень широкие перспективы.

Но раблэзианство живо в Бальзаке и тематически. Если приглядеться к тому, как оплакивает он Марию-Антуанетту, если подобрать теоретически его высказывания о необходимости восстановить цензовую магистратуру, об аристократической чести и т. д., «Куртизанки» окажутся реакционнейшим произведением. Однако теоретические высказывания не ослепляли его взгляда. И в тех же «Куртизанках» он увидел, что аристократия — не что иное, как «труха, одетая в бархат», отлично от увидал также, что «присяжные не любят, когда убивают какого-нибудь буржуа». Формула Энгельса о контрастности политических предрассудков Бальзака и его сатиры **Б. 193** оправдывается эпопеей «Блеск и нищета куртизанок».

Акт № 193

Владн. л.